
РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.01

Т.А. БОРИСОВА

УДК 930.1

ББК 63.3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯ «КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛИЗМА» В СИБИРСКИХ РАБОТАХ Н.А. РОЖКОВА (1910–1917)

В статье рассматривается концепция «культурного капитализма» историка и общественно-политического деятеля Н.А. Рожкова, представленная им на страницах сибирской прессы в 1910–1917 гг. Выделяются этапы развития концепции, дается общая характеристика модели социально-экономического развития России 1910-х гг. в трактовке Н.А. Рожкова.

Ключевые слова: Н.А. Рожков, культурный капитализм, социально-экономическое развитие России, меньшевики в Сибири, ликвидаторство, сибирская пресса, история РСДРП.

Т.А. BORISOVA

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND THE CONCEPT OF «CULTURAL CAPITALISM» IN THE SIBERIAN WORKS OF N. A. ROZHKOV (1910–1917)

The article discusses the concept of «cultural capitalism» of the historian and socio-political figure N.A. Rozhkov, submitted by him on the pages of the Siberian press in 1910–1917. The stages of development of the concept are highlighted, its general description is given and a model of socio-economic development of Russia in the 1910s, proposed in the interpretation of N.A. Rozhkov, is presented.

Keywords: N.A. Rozhkov, cultural capitalism, socio-economic development of Russia, the Mensheviks in Siberia, liquidationism, Press of Siberia, the history of the RSDLP.

Цель настоящего исследования — возвращение в научный оборот трудов Н.А. Рожкова периода нахождения в сибирской ссылке (1910–1917) и обращение к его идее «культурного капитализма». Тема «культурного капитализма» появляется в научно-публицистических работах ученого на страницах сибирской периодики уже в первые годы его пребывания в Иркутске (1910–1911). В дальнейшем в работах обозначилось то, что можно

считать своего рода концепцией «культурного капитализма».

Автор данной статьи полагает, что утверждение о формировании концепции именно в период ссылки Рожкова (сделанное прежде) является не вполне корректным [3]. Еще во время пребывания в Бутырской тюрьме он вел исследования, закладывавшие, вероятно, фундамент как для будущей многотомной «Истории России в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)», так и для научно-публицистических работ о состоянии и развитии капитализма России. Полученные же в ссылке наблюдения за хозяйством Сибири, как будто не знавшей «классической» российской модели крепостного права, скорее, лишь убедили его в правильности собственной гипотезы.

В равной степени не совсем корректным было бы утверждать, что данная концепция Рожкова исключительно оригинальна. Ее истоки лежали в работах российских марксистов рубежа XIX–XX вв., представителей различных партий и движений, например, П.Б. Струве [1]*. В начале же 1910-х гг. особенностям развития капитализма в России уделяли внимание многие деятели социал-демократического движения: помимо В.И. Ленина эта проблематика разрабатывалась А.А. Богдановым, О.Ю. Мартовым, М.С. Ольминским, О.Е. Ерманским и др.

Кроме того, не будет ошибкой предположить, что рядовой, неподготовленный читатель сибирских изданий тех лет вряд ли мог сформировать целостное представление о том, что же такое «культурный капитализм» в понимании «заезжего» социал-демократа Рожкова. Такой неподготовленный читатель, скорее, был поставлен перед необходимостью самостоятельных рассуждений, чтобы из отдельных статей Николая Александровича, содержащихся в них деталей, составить полное и внятное представление о конструируемой автором стадии социально-экономического развития.

Тем не менее, вычленив компоненты концепции Рожкова представляется возможным. Своеобразные признаки «культурного капитализма», описываемые им в сибирских публикациях (1910–1917 гг.), обобщив, можно представить следующим образом:

- 1) демократическая организованность народных масс (одна из основных черт развитого «культурного капитализма»);
- 2) самоуправление широких народных масс;
- 3) процесс «окультуривания» российской буржуазии; появление легальных общественных организаций, которые будут способствовать определению политического курса и осуществлению демократических реформ;

* Эту идеологическую близость к «противнику» не преминули, впоследствии, поставить в вину уже покойному Рожкову [31, с. 158–159].

- 4) развитие кооперации с условием ее монополизации [19; 28];
- 5) увеличение производительных и культурных расходов в противовес расходам непроизводительным (в бюджете) [26].
- 6) появление «утонченно-культурных» приемов эксплуатации [19; 26];
- 7) формулирование задач последовательной демократии в части формирования идеологического базиса «культурного капитализма».

«Культурный капитализм» Рожкова — это техника, технологии, новые идеологические и управленческие концепции развития промышленного и сельскохозяйственного производства и т. п. Ядро данной концепции, по сути — процесс становления гражданского общества, где культурная буржуазия (читай — «средний класс»), обладающая достаточными ресурсами, станет выступать инициатором технических, технологических и иных перемен в производстве, организации труда; инициатором изменений в области культуры производства и социальных гарантий работникам.

Помимо этого, Рожков ожидал от «культурной буржуазии» проявления политической инициативы по усовершенствованию государственного устройства, что должно было стать одним из инструментов легализации политической борьбы. Другим подобным инструментом должны были стать действия самих рабочих (а не только теоретиков-идеологов рабочего движения), а также делегатов «последовательной демократии» в IV Государственной Думе¹.

Собственно, все вышеперечисленное укладывается в «традиционное» для советской историографии определение Рожкова как «ликвидатора» («меньшевика-ликвидатора»), выступавшего с 1911 г. за легальные формы общественно-политической борьбы [33]. Однако современное прочтение сибирских работ Рожкова дает актуальную пищу для размышлений о месте и значении его идей в контексте исторических, социологических, экономических знаний XX в., которые предвзим, однако, рядом уточнений.

Во-первых, формат сибирских изданий, в которых он мог публиковаться беспрепятственно и систематически — важный фактор, определявший как содержание, так и стилистику, и объем его статей. В большинстве случаев это были еженедельные или ежедневные газеты, предполагавшие размещение довольно ограниченного материала, написанного, к тому же, доступным (для понимания теми же «широкими народными массами») языком.

¹ Это подтверждало идею Рожкова о том, что «господствующие классы» вынуждены считаться «с объективными задачами времени» [26].

² Рожков не питал иллюзий по поводу такой инициативы, но объяснял ее объективной необходимостью для «культурной буржуазии», вынужденной развивать у себя новое мышление с учетом индустриального развития страны.

Во-вторых, за кадром для непосвященного читателя оставался Рожков — лектор и пропагандист (уже не «столичного» периода, а времени ссылки). А ведь его научная публицистика наверняка дополнялась и публичными выступлениями, благодаря чему указанная концепция приобретала бы более ясные очертания.

В-третьих, за текстами статей о «культурном капитализме» (пусть и подписанными псевдонимами) угадывается Рожков-историк, с преподавательским прошлым и, все же, с некоторой «кабинетностью» и теоретизированием*.

В-четвертых, оставаться вне контекста времени Рожков не мог: на страницах столичных и провинциальных изданий шли дискуссии о путях развития страны в ходе революционных или эволюционных перемен, которые, в идеологической (теоретической) части, по сути, и продолжали спор о соотношении того, что интерпретировал в марксизме уже упомянутый выше П.Б. Струве: приоритет национального богатства или же народного благосостояния [1, с. 36–37]? В условиях 1910-х гг., когда выбор универсального, удовлетворяющего интересы обеих (и государства, и общества) сторон, варианта развития событий не представлялся возможным. В практической же части речь в подобных спорах шла, например, о преимуществах и недостатках тейлоризма и фордизма (О.А. Ерманский, А.А. Богданов), поднимался вопрос рабочего страхования (В.С. Войтинский) и др.

В-пятых, рассмотрение позиции Рожкова в отношении сибирских проблем, включая становление «культурного капитализма», говорит о том, что он рассматривал Сибирь как регион, имеющий определенную специфику общественно-политического и социально-экономического развития (в том числе, развития замедленного). Более отсталое, по мнению ученого, хозяйство края не позволяло делать выводы о параллельном и одновременном продвижении России и Сибири к стадии «культурного капитализма». При этом замедленность не служила основанием для какой-либо абсолютной исключительности Сибири — социально-экономические процессы в центральной части страны и в Сибири были, по его мнению, в основном, общими, хотя и могли различаться в деталях, и протекать в разное время.

Если говорить об общей характеристике работ Рожкова, опубликованных на страницах сибирских изданий, в которых возможно проследить «культурно-капиталистические» идеи, то, по мнению автора данной работы, они могут быть сгруппированы следующим образом.

«Установочные» статьи о периоде становления в России «культурного капитализма» (в противовес «хищническому» крепостническо-

* Прекрасный оратор, но не рабочий, не служащий, не «практик», а, все же, теоретик.

му, господствовавшему до начала 1900-х гг.). Это основополагающая тема работ периода первоначального пребывания Рожкова в Иркутской губернии (1910–1911). «Производительные силы страны для своего развития нуждаются в определенных свободных формах общественной жизни, — писал он. — Этих форм нет, и потому мучительно затягивается депрессия. А это отражается на настроении различных общественных групп — прежде всего торгово-промышленного класса» [24].

Однако уже в начале 1911 г. в статье, посвященной деятельности III Государственной Думы, Рожков склонялся к другому: «Россия перешла уже к стадии накопления капиталистического, к более культурным формам капиталистической эксплуатации...» [15]. Законодательная база для развития культурного капитализма, по его мнению, пополнилась мерами, предоставленными Думой в 1910 г. Эти меры способствовали ликвидации остатков крепостнического хозяйства в выгодной для крупного землевладения (в частности дворянского) форме, и представляли собой законопроекты о насаждении единоличного крестьянского землевладения и понижении пошлин на сельскохозяйственные машины (что покровительствовало бы отечественному машиностроению).

Неясно, что заставило Николая Александровича в столь короткий срок изменить свою линию, однако его взгляды на перспективы правительственной политики и соотношение общественных сил изменились уже в начале 1911 г. Настойчивее проводилось и рельефнее прорисовывалось им именно то, что и можно считать концепцией становления в России «культурного капитализма». К тому же давалась уже несколько иная характеристика его составляющих. Так, говоря о состоянии финансов в России, Рожков резюмировал: «...основная объективная задача времени — полное торжество культурного капитализма над капитализмом грубо-хищническим, полукрепостническим — рисуется совершенно ясно. Между тем русский государственный бюджет есть не что иное, как очень ясное и яркое финансовое отражение как раз этого полукрепостнического капитализма» [26].

Или же, усматривая в расходном бюджете тенденцию в сторону развития производительных и культурных расходов в ущерб непроектируемым, он подтверждал свою идею: господствующие классы начинают считаться с объективными задачами времени. При этом Рожков отмечал, что «культурная буржуазия» всегда остается буржуазией, согласной лишь на тот минимум уступок трудящимся, который ей выгоден. Следовательно, консолидация с ней может быть чревата негативными последствиями для трудящихся масс [22].

В русле данной концепции разрабатывалась и тема становления профессиональных организаций рабочих и служащих и страхового ра-

бочего законодательства по аналогам европейских стран [14; 16; 29]. Парламентские дебаты вокруг законопроектов о страховании или гражданских свободах, изучение общественного мнения — в Сибири, в частности, — позволяли Рожкову делать в политических обзорах выводы о становлении России как буржуазной страны. «Стоит уйти от либерального идеализирования конституционализма, стоит взглянуть на факты русской жизни глазами историка, — и постепенно перерождение природы государства, совершившееся за последние годы, станет ясно», — писал он в концептуальной статье газеты «Новая Сибирь» от 1 января 1913 г., подводя итоги года минувшего [21].

В русло подобных идей укладывалась и его позиция в части легализации политической борьбы в условиях развивающегося «культурного капитализма».

Стоит отметить, что в отличие от работ, опубликованных в сибирской прессе в 1910 — начале 1911 г., статьи конца 1911 — начале 1913 г. уже не содержали прямых доказательств вступления страны в стадию «культурного капитализма», а проводили идеи практического осуществления поэтапного государственного реформирования. Одной из форм легальной борьбы была парламентская деятельность, которая, однако, являлась для Рожкова не самоцелью, а дополнительной вехой на пути демократизации государства.

Статьи о влиянии войны на хозяйство России и, как следствие этого, на развитие «культурного капитализма», 1914 — начало 1916 г. Наиболее известной из данной группы является, пожалуй, статья «Война и хозяйство России», что была опубликована Рожковым в «Сибирском журнале» [12]. В общих чертах она перекликалась с другой его статьей, вышедшей в октябре 1915 г. под аналогичным названием на страницах Петербургского журнала «Современный мир» [13]. Значительный интерес представляет и статья «Россия накануне войны», помещенная в «Сибирском обозрении» [23]. Между тем, вырванные из общего контекста его работ, данные публикации могут выглядеть весьма одиозно и двусмысленно.

Так, обе публикации в анти-оборонческих сибирских изданиях, как будто, говорили об очередной «смене вех» у Рожкова. Оценивая позицию российской буржуазии на современном этапе, он замечал, что она значительно отличается от довоенной [4, с. 422]. Оппозиционность крупной буржуазии «старому строю», проявление которой наметилось до войны, с 1914-го начинает стираться из-за усиления ее экономических амбиций. Кризисная ситуация обнажила тот факт, что во многих представителях «прогрессивных» капиталистов, по словам Рожкова «... живут еще старые хищники, что им далеко еще до настоящих капиталистов-предпринимателей культурного типа. А это как раз сближает их с

правлящими сферами, создавая тормоз для свободного развития страны» [23]. Таким образом, война отбросила развитие «культурного капитализма» назад.

Казалось бы, очевидные для сегодняшнего дня вещи; тем не менее, Рожкову в этой части сполна досталось критики, как от лица современников, так и от лица ученых-историков 1930–1980-х гг. Рассуждая о влиянии войны, Рожков замечал, что, в конечном счете, она способна ускорить социально-экономические процессы, в том числе — капиталистическое развитие России и Европы. Можно полагать, что Рожков видел главную задачу ближайших лет в развитии и прогрессировании «культурного капитализма», оформление которого война не уничтожила, но лишь «подчеркнула необходимость планомерной организации народного хозяйства и финансов». Итоги и последствия Первой мировой войны показали, что Рожков не так уж был и неправ в своих умозаключениях и попытке «смены вех».

Группа статей, которая может быть обозначена как **публикации «о новых задачах»** в условиях продолжающегося военного времени. К данной группе можно отнести публикации 1916–1917 гг. на страницах периодических изданий гг. Читы, Ново-Николаевска.

В круг этих задач, по мнению Рожкова, входило усиление общественных организаций и самоуправления для преодоления хозяйственного кризиса и дороговизны жизни, вызванных войной. Одним из инструментов «культурного капитализма» здесь выступает кооперативное движение: «Кооперация — одно из проявлений демократической организованности, а демократическая организованность — одна из основных черт культурного, развитого капитализма» [19].

Эта мысль красной нитью проходила и через другие его работы 1914–1917 гг.: привычка населения к общественной деятельности в кооперативах привела бы к тому, что отдельные их члены и в другой ипостаси действовали бы сообразно общественным интересам. В то же время, рост влияния печатной пропаганды кооперативного движения и просвещения в этой сфере в те годы, например, в Забайкалье был достаточно высок. Особенно значимый практический эффект наблюдался в сельской местности, где кооперативы нередко выступали весомым средством объединения и демократизации народных масс [8, 1915, оп. 245, д. 5, ч. 26, лит. «Б», л. 30]. В то же время, идея Рожкова здесь — это демонополизация (или пресечение попыток монополизации) кооперативов и приоритет социал-демократического направления: «... организации, союзы всякого рода — кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества, общества защиты интересов трудящихся — необходимы *чисто-демократические* (курсив Рожкова. — Т. Б.), без всякого их подчинения организациям буржуазии, хотя бы и культурной. Полная

самостоятельность и самодеятельность — вот наше знамя, вот залог светлого будущего» [11].

Собственно, завершающий этап развития концепции «культурного капитализма» — это публикации Рожкова в канун и в начале 1917 г. Подводя итоги 1916-го, он отмечал, что минувший год стал тем рубежом, когда Россия могла бы уже твердо вступить в стадию культурного капитализма: «Было время — и у нас в России не так еще давно, — когда капитализм отличался грубо-хищническим характером и технически и экономически... Как бы то ни было, если не развитой культурный капитализм, то его зародыши прорубили себе дорогу и в нашем отечестве. Но вот наступила война и во многом повернула обратно колесо истории» [20].

Рожков полагал что потрясения, подобные событиям десятилетней давности, являются для страны пройденным этапом, и Россию ждет мирное развитие «в направлении к росту культурного капитализма в его высших формах». Переход к культурному капитализму от грубо-хищнического, по его мнению, уже осуществляется по итогам минувшей буржуазной революции. Приводимые данные призваны были подтвердить этот факт: за последние 10 лет увеличилось число рабочих, намечился быстрый рост обрабатывающей промышленности. Факторами, свидетельствующими о развитии «культурного капитализма» в сельском хозяйстве, Рожков считал замену общины личной крестьянской земельной собственностью, уменьшение крестьянского малоземелья посредством переселенческой политики, увеличение ввоза сельскохозяйственных машин^{*}. Одной из характерных особенностей «культурного капитализма» он считал и рост кооперации.

Фактически подводя итоги опубликованному за пять лет на страницах сибирских и центральных изданий, Рожков констатировал: «По моему глубокому убеждению, великий перелом уже свершился, и Россия стала на путь развития культурного капитализма. Повторение недавнего потрясения теперь немислимо. Поэтому задача печати сейчас — всячески содействовать мирному культурно-капиталистическому развитию страны и деятельно работать над тем, чтобы процесс культурно-капиталистического развития совершился возможно быстрее и возможно безболезненнее для большинства населения» [18].

Этой третьей группой статей, по сути, и завершается цикл работ о «культурном капитализме» на страницах сибирской прессы.

А что же «культурная буржуазия»? Не секрет, что ряд газет с участием Рожкова издавался на ее средства (издания в Иркутске, Ново-Николаев-

^{*} Так, например, в своих статьях Рожков выступал против сотрудничества кооперативов с биржевыми комитетами — на страницах прессы гг. Читы, Ново-Николаевска.

^{**} Однако это не означало, что Рожков безоговорочно поддерживал Столыпинскую аграрную политику, о чем свидетельствует ряд других его статей 1910 — 1915 г.

ске) [8, 1912, оп. 242, д. 5, ч. 27, лит. «Б», л. 111; 1916, оп. 246, д. 5, ч. 81, лит. «Б», л. 5; 7, оп. 1, д. 701, л. 31–32, 121; 30, оп. 2, карт. 25, ед. хр. 3, л. 6]. Так, например, «предвыборную» ежедневную «Молодую Сибирь» финансировали подрядчик И.И. Рункевич и инженер И.И. Шилингер, выставленные «последовательной демократией» (читай — социал-демократией) кандидатами в IV Государственную Думу. Первый из них оказывал изданиям Рожкова (по крайней мере, иркутской «Молодой Сибири») материальную поддержку, однако лишь в том объеме, которого хватало на непосредственный выпуск тиража и наем подставных редакторов. Он же предоставлял свою квартиру для собраний «Литературной группы», состоявшей из представителей иркутской демократической интеллигенции и ссыльных [5; 30, оп. 1, карт. 22, ед. хр. 14; 32].

О взаимодействии «культурной буржуазии» и пролетариата Рожков говорил на страницах ново-николаевской газеты в 1916–1917 гг., развивая идею необходимости формирования плеяды сознательных, квалифицированных рабочих: «Культурно-капиталистические предприятия, — писал он, — заинтересованы в духовном подъеме своих рабочих, тем более в поддержании их физических сил: от этого увеличивается и производительность труда» [17]. И если вновь вспомнить его идею легализации рабочего движения, то, с одной стороны, она объяснялась им усилением в обществе буржуазных начал, «полевением» буржуазии. С другой стороны, сам факт этой легализации и должен был во многом предопределить те основы, на которых произошло бы такое объединение. Предопределяющую роль «дворянского фактора» в 1910-е гг. Рожков отрицал, что стало еще одной из вех, размежевавших его с видными большевистскими деятелями и лично В.И. Лениным.

Сегодня уже иначе, даже в сравнении с периодом 15–20-летней давности, и совсем не утопично выглядит идея Рожкова о необходимости «помощи» со стороны социал-демократов в самоопределении буржуазии. Не сознавая значения этой «помощи», демократия, по мнению Рожкова, могла упустить и момент для собственного самоопределения в обществе. В свою очередь, в прогнозах Рожков пытался учитывать интересы не только известных классов, но и различных социальных групп и подгрупп внутри них. Не отрицая идею гегемонии пролетариата и даже несколько, на наш взгляд, идеализируя его (что прослеживалось в статьях 1912–1917 гг.), в контексте ситуации он исходил из необходимости гегемонии (пусть и временной) «культурной буржуазии» [22; 25].

* Лояльность Рожкова к «культурной буржуазии» Иркутска и сотрудничество с ней вызвали критику на страницах городской прессы со стороны И. Г. Гольдберга (псевдоним «Irridens»). Спор имел не только политическую (эсер Гольдберг и меньшевик Рожков), но и социальную подоплеку: «заезжий» политический деятель против деятелей иркутских [2; 6].

В этом контексте статья 1911 г. «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент» [25], вызвавшая в свое время резонанс в кругах российской социал-демократии, выступала, пожалуй, как промежуточное звено оформлявшейся концепции «культурного капитализма»^{*}.

Рожков не единственный для своего времени, но один из немногих исследователей, кто — иногда, как будто, интуитивно — выходил за рамки сложившихся в то время концепций, устаревающих опорных «скелетов». Выходил потому, что они уже не давали ему ни полных объяснений появляющимся «отклонениям» в социально-экономических и политических процессах (происходившим в России в первые десятилетия XX века), ни актуальных моделей для планирования и просчета возможных перспектив.

Что касается идеи «культурного капитализма», то, в тех или иных вариациях, она получила развитие на протяжении XX в. Однако современные ее трактовки еще в большей степени, чем это было у Рожкова, уходят в социологию, в том числе — историческую социологию и социальную философию.

Можно предположить: на протяжении XX века тот феномен, который можно определить как «культурный капитализм», развернулся буквально от сферы интересов производителя — к потребителю. Из сферы противопоставления национального богатства и народного благосостояния (несоответствия прогресса в области производства и прогресса в области потребления [1, с. 36]) «культурный капитализм» перешел в сферу потребителя и развития идей консьюмеризма. Из плоскости материальной, от вопроса о собственности на средства производства он ушел в социокультурную плоскость, не оставляя, при этом споров об «утонченно-культурных» — в терминах Рожкова — приемах эксплуатации [9; 34]^{**}.

В то же время, рубеж XX–XXI вв. и современность, как будто возвращают нас в прежнюю, рассматриваемую уже более столетия назад плоскость интересов производителя. Так, «культурный капитализм» С. Жижека — это производство культурных переживаний плюс действительно материальное производство [10, с. 52–63]. При этом «ручной труд» (в

^{*} Более того, программа Рожкова, заявленная к публикации в столичном издании, состояла вовсе не из одной указанной, а из четырех статей, в которых проводилась идея формирования легальной общественной организации (партии), базирующейся на социал-демократических принципах («Необходимый почин», «Борьба за легальность», «Система действий») [3].

^{**} Так, «культурный капитализм» у Д. Рифкина — это «актуальная нам стадия овещствления», «постмодернистский капитализм», бесплотные вещи. У Ф. Джеймисона объекты культуры приобретают экономический смысл, становясь пригодным к продаже товаром, и это тоже своего рода «культурный капитализм», капитализм симулякров как области капиталистических инвестиций.

противовес «символической деятельности»), с точки зрения Жижека, становится своего рода постыдным для современного человека занятием. Человека, который не понимает, однако, что категория «символические рабочие» («кибер-рабочие» и пр.) сегодня может быть отнесена к «интеллектуальному пролетариату» [Там же].

Взаимодействие современного «пролетариата» с «культурной буржуазией» в этом контексте становится новым направлением исследований. А, собственно, концепция «культурного капитализма» Рожкова оказывается в актуальной междисциплинарной плоскости, что предполагает еще более разноплановое ее изучение с точки зрения не только историков, но и специалистов в других областях знания.

Список использованной литературы и источников

1. Беспалов С. П. Б. Струве об экономическом развитии и экономической политике в России на рубеже XIX — XX веков / С. Беспалов // Экономическая политика. — 2010. — № 1. — С. 33–48.
2. Беспардонность или недомыслие? // Новая Сибирь. — 1913. — 8 янв. (Без подп.).
3. Борисова Т. А. Общественно-политическая, журналистская и научная деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке, 1910–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. А. Борисова. — Иркутск, 2003. — 393 с.
4. Борисова Т. А. «Точка опоры» в истории общественной жизни Сибири: к 150-летию Н.А. Рожкова / Т. А. Борисова // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2019. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2019. — С. 416–427.
5. Вельман В. Февральская революция в Сибири / В. Вельман // Пролетарская революция. — 1925. — № 3. — С. 179–180.
6. Гольдберг И. Г. «Энгельсы и Оуэны» / И. Г. Гольдберг // Сибирские вести. — 1913. — 9 янв. (Подп.: Irridens).
7. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 600 (Иркутское губернское жандармское управление).
8. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 102. — ДП ОО.
9. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2019. — 808 с.
10. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек ; [пер. с англ.]. — Москва : Ad Marginem, 2003. — 253 с.
11. Рожков Н. А. Война и текстильная промышленность в России. Общая характеристика хозяйственного влияния войны / Н. А. Рожков // Наше дело. — 1914. — № 29/30. — С. 8. (Подп.: Рожков Н.).
12. Рожков Н. А. Война и хозяйство России / Н. А. Рожков // Сибирский журнал. — 1914. — № 1. — Стб. 21–30. (Подп.: Наров).
13. Рожков Н. А. Война и хозяйство России / Н. А. Рожков // Современный мир. — 1915. — № 10. — Отд. 2. — С. 74–98. (Подп.: Рожков Н.).

14. Рожков Н. А. Врачебная помощь рабочим и закон о страховании / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 17 янв. (Подп.: Ломзин К.).
15. Рожков Н. А. Государственная Дума в 1911 г. / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1911. — 1 янв. (Подп.: Р-в Н. А.).
16. Рожков Н. А. Законопроекты о свободах / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1912. — 20 дек. (Без подп.).
17. Рожков Н. А. Заработная плата в мукомольном производстве / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1916. — 20 окт. (Подп.: Наров).
18. Рожков Н. А. Исповедание веры / Н. А. Рожков // Восточная Сибирь. — 1915. — 11 февр. (Подп.: Рожков Н.).
19. Рожков Н. А. Кооперация и ее опекуны / Н. А. Рожков // Восточная Сибирь. — 1915. — 16 янв. (Подп.: Рожков Н.).
20. Рожков Н. А. Мукомольные рвачи / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 1916. — 14 окт. (Подп.: Наров).
21. Рожков Н. А. На рубеже / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 1 янв. (Без подп.).
22. Рожков Н. А. Признаки объединения культурной буржуазии / Н. А. Рожков // Сибирская речь. — 1911. — 24 окт. (Подп.: Р-в Н. А.).
23. Рожков Н. А. Россия накануне войны / Н. А. Рожков // Сибирское обозрение. — 1915. — № 1. — Стб. 23. (Подп.: Наров).
24. Рожков Н. А. Современное положение народного хозяйства в России / Н. А. Рожков // Восточная заря. — 1910. — 16 окт. (Подп.: Р-в Н. А.).
25. Рожков Н. А. Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент / Н. А. Рожков // Наша заря. — 1911. — № 9/10. — С. 31–35 (Подп.: Р-ков Н.).
26. Рожков Н. А. Тенденции в развитии русского бюджета / Н. А. Рожков // Голос Сибири. — 19 марта (Подп.: Р-в Н. А.).
27. Рожков Н. А. Точка опоры / Н. А. Рожков // Звезда. — 1911. — 7 мая. — № 21. — С. 10 (Подп.: Рожков Н.).
28. Рожков Н. А. Что такое кооперация и какова ее основная задача? / Н. А. Рожков // Наше дело. — 1915. — № 10. — С. 5–6 (Подп.: Рожков Н.).
29. Рожков Н. А. Экономическая борьба и внешнее вмешательство / Н. А. Рожков // Новая Сибирь. — 1913. — 10 янв. (Без подп.).
30. Российская государственная библиотека, отдел рукописей. — Ф. 546 (Рожков Н. А.).
31. Спорные вопросы методологии истории : (Дискуссия об обществ. формированиях) / под ред. Г. Зайделя [и др.]; Ленингр. отд-ние Ком. акад. О-во историков-марксистов. — Харьков : Пролетарий, 1930. — 238 с.
32. Чужак Н. Рожков в ссылке: («Статейный список») / Н. Чужак // Каторга и ссылка. — 1927. — № 3. — С. 176–177.
33. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1910–1917) / Н. Н. Щербаков. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1984. — 244 с.
34. Rifkin J. The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism, Where all of Life is a Paid-For Experience. — New York : TarcherPerigee, 2001. — 320 p.

Информация об авторе

Борисова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра менеджмента и государственного и муниципального управления, ЧОУ ВО Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 190103, г. Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44 А, e-mail: umteborisova@gmail.com.

Author

Tatiana A. Borisova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Management and State and Municipal Government, St. Petersburg University of Management and Economics Technologies (UMTE), 44 A, Lermontovskii Avenue, St. Petersburg, 190103, e-mail: umteborisova@gmail.com.